

Вокруг истории археологии

(Тесленко Д. Л. (ред.). История археологии: границы и принципы субдисциплины. Материалы круглого стола 26 сентября 2012 года. Киев: ИА НАНУ, 2013. 80 с.)

Осенью 2012 г. в Киеве в рамках конференции к юбилею Ф. К. Вовка (Волкова) состоялся Круглый стол по истории археологии. Он был посвящен границам и принципам этой субдисциплины. Заслушаны были два доклада — заведующего кафедрой всемирной истории Днепропетровского университета Д. Л. Тесленко и сотрудника Киевского университета С. В. Палиенко. Первый говорил о «проблемах структуры предметного поля субдисциплины», второй сравнивал историю археологии на Украине и в России, пытаясь уловить основные тенденции развития. По результатам обсуждения киевским Институтом археологии издана в 2013 г. небольшая брошюра. Поскольку эта брошюра — один из сигналов о признании того факта, что формируется новая субдисциплина, это явление стоит отметить рецензией.

Д. Л. Тесленко рассмотрел в своем докладе работы А. А. Формозова, О. М. Мельниковой, А. И. Ганжи, Г. С. Лебедева, Ю. П. Холюшкина, В. Ф. Геннинга и Н. И. Платоновой, сопоставил их предложения по разграничению и ограничению субдисциплины, не вдаваясь в их основания. Он рассматривал эти предложения как равновесные и пытался вывести общее заключение. «По единодушному мнению специалистов, — пишет он, — общепризнанного определения дисциплинарного образа историографии сегодня не существует, что в свою очередь свидетельствует о продолжающемся развитии данной науки». Свидетельство, прямо скажем, странное. Сам Тесленко в результате своего обобщения представляет «предметное поле историографии археологии» как трехэлементную структуру — в нее входят: история археологии, проблемная историография (т. е. изучение литературы по отдельным проблемам, вводным к изучению памятников и культур) и теория археологической науки (с. 16). Связь с теорией для истории науки несомненна, но считать, что теория является компонентом истории науки, не больше оснований, чем у обратного заключения — что история археологии ныне стала компонентом теоретической археологии (см. Клейн 2011: 11).

В итоге Тесленко оставил вопрос открытым (с. 18).

Объективности ради С. В. Палиенко построил свой доклад по сопоставлению украинской археологии с постсоветской российской на количественном анализе периодических изданий («Советская археология», Москва; «Археология», Киев; «Археологические вести», Санкт-Петербург; «Матеріали і дослідження», Львов). Во всех этих журналах он проследил публикации по следующим рубрикам: 1) персоналии, 2) институциональная история, 3) история исследований, 4) источники и методология. Построив графики, Палиенко пришел к выводу, что в рассмотренных четырех изданиях сложно выделить какие-либо закономерности, так как количество прослеживаемых публикаций то увеличивалось, то уменьшалось (с. 25). Преобладают публикации биографического характера, а в них некрологи и юбилейные статьи. По мысли Палиенко, это

свидетельствует об «антропологическом повороте» археологии. Но, во-первых, некрологи и юбилейные жизнеописания публиковались всегда (какой же «поворот»?), а во-вторых, антропологическим поворотом называется введение специфической трактовки идейной эволюции, а не юбилеи и некрологи.

Обсуждение было весьма оживленным, но ход его показался мне несколько схоластическим — оно сосредоточилось на терминологических проблемах: как разграничить с другими субдисциплинами (а делить по сути нечего), какие аспекты главные, как что называть и т. п. Так, центральное место занял вопрос о том, как называть всю субдисциплину — историографией археологии или историей археологии. Докладчик с Украины стоял за первое решение, российские коллеги в большинстве за второе, а термин «историография» оставляли за изучением отдельных проблем или за обзорами литературы вопроса (с. 74). Тогда как важнее проблемы иные — что упущено, как добиться интенсификации исследований, какие аспекты выделяются сегодня как главные.

Подводя итог, редактор Тесленко выделил некоторые итоги обсуждения, которое носило «бескомпромиссный характер» (с. 73). «Не оставил места для дискуссий» вопрос, «субдисциплиной чего считать историю археологии? Для участников дискуссии ответ оказался однозначным — история археологии может быть субдисциплиной исключительно самой археологической науки» (с. 73). Поясняется, что для работы в ней необходимо археологическое образование и т. п. А разве можно обойтись без работы с письменными (архивными) источниками? Как раз они являются тут главными. Другое дело, что наши археологи из-за порочности нашего археологического образования больше натаскиваются в истории, чем в археологии, но это локальное и частное обстоятельство, а общее решение должно исходить из принципиального соотношения факторов. История археологии как раз по ряду методологических качеств, по своей природе принадлежит истории. А что историк каждой отрасли знания (или чего угодно) должен обладать знаниями в этой отрасли в дополнение к своему основному владению методами истории, должен хорошо понимать, историю чего он исследует, — это несомненно.

С равным правом история археологии может рассматриваться и как часть науковедения, и как часть развития общей методологии науки, с соответствующими философскими разработками. И в этих сферах историк археологии должен быть подкован, начитан, иметь хорошее образование и школу. Если мы возьмем любого обычного археолога, специализировавшегося на раскопках некой группы памятников, и заставим его делать историографическую статью, то она неизбежно будет чисто археологической и к истории археологии будет иметь косвенное отношение. В лучшем случае он пополнит эту отрасль новооткрытым архивным материалом, и хорошо еще если не на любительском уровне. Для полной оценки в контексте истории археологии ему нужно владеть также методами и знаниями по общей истории, по науковедению, по методологии науки и истории философии, истории идей.

То есть для специализации в истории археологии нужно сознавать, что история археологии есть не только субдисциплина археологии, но также субдисциплина истории, исторического науковедения, методологии науки и истории философии.

В заключение редактор пишет: «Конечно, было бы преувеличением говорить о решении научных проблем в контексте результатов одного, пусть даже довольно представительного научного мероприятия. Но решению проблемы должна предшествовать как минимум ее постановка. И с этой задачей — задачей постановки проблем — участники Круглого стола, безусловно, справились, что дает все основания с уверенностью смотреть в будущее истории археологической науки» (с. 75).

Ну, так уж и «все основания»! Для уверенности в будущем нужно много чего еще. А ведь и предпринятая постановка проблем оставляет желать лучшего. Те ли проблемы являются сейчас первоочередными для истории археологии? Мне кажутся гораздо более важными такие проблемы, как 1) разработка методологии исследования истории археологии в контексте кризиса марксизма, 2) сопоставление региональных (и национальных) традиций с глобальными и имперскими, 3) конкуренция социально-экономических интересов с этническими, 4) давление идеологических и конъюнктурно-политических сил на научную постановку исследований, 5) борьба истории археологии с воинствующим дилетантизмом, и т. д. Я думаю, что обсуждение этих проблем было бы куда более «оживленным» и «бескомпромиссным».

Литература

Клейн Л. С. 2011. История археологической мысли. Т. I–II. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.